

Памяти Льва Борисовича Филонова

Лев Борисович Филонов – один из немногих отечественных психологов, чье имя включено в Первый биографический большой энциклопедический словарь. Он создал первую в России лабораторию психологической антропологии, занимался исследованиями динамики психического развития индивида, выделением социально-биологических детерминант преступления в ходе антропогенеза. Способствовал появлению новой подотрасли в отечественной и мировой юридической психологии – психологии допроса: эту проблематику (на стыке психологии и права) Лев Борисович Филонов, имевший два высших образования – психологическое и юридическое, выбрал в качестве темы своей докторской диссертации. Его исследование обогатило также и правовую науку – судебную этику.

Лев Борисович Филонов участвовал в Великой Отечественной войне, выполнял ответственные и опасные боевые задания, связанные со службой в военной разведке.

Лев Борисович отличался тем, что открыто и ясно высказывал свою позицию, даже если она шла вразрез с общепринятыми канонами.

Современное состояние российского образования многими учеными, деятелями науки и культуры определяется как критическое. Лев Борисович полагал, что часть этих проблем имеет психологическую природу и требует пристального внимания психологов. Проблемные вопросы, сформулированные им, позволяют выделить болевые точки в этой сфере и сконцентрировать усилия на их решении.

Лев Борисович Филонов был неутомимым и неравнодушным исследователем. Таким он предстает и в интервью, которое, к сожалению, ученому не довелось увидеть опубликованным.

Для цитаты:

Памяти Льва Борисовича Филонова [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 1. С. 158–162. doi: 10.17759/psyedu.2016080115

For citation:

In memory of Lev B. Filonov [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2015, vol. 7, no. 4, pp. 158–162. doi: 10.17759/psyedu.2016080115. (In Russ., abstr. in Engl.)

– Лев Борисович, почему в свое время, выбирая между юриспруденцией и психологией, вы выбрали психологию?

– Вероятно, в связи с тем, что с самого начала я интересовался разнообразными правонарушениями и не мог принять объяснения, что правонарушение является исключительно дефектом правосознания. Такая позиция доминировала в то время в советской науке. Иными словами, мой профессиональный выбор обусловила заинтересовавшая меня проблема отклонений в поведении, которые в дальнейшем способствуют совершению противоправных поступков и особенно преступлений. Юридическое образование позволило мне ориентироваться в юридически значимых конструкциях, связанных с нарушением норм, и предоставило возможность сбора необходимого практического материала (материалы уголовных дел, обзоры судебной

практики по уголовным делам и др.). Психологическое образование обеспечило мне преимущество перед юристами в объяснении правонарушений.

«Правосознание» – юридическая категория, но ее смысл невозможно понять без понимания сущности сознания как способа отражения объективной реальности, в том числе и опосредованной правом. Я начал с проблемы выявления тех следов, которые остаются в психике после воздействия юридических «инструментов». Именно психология давала возможность изучить, имело ли место при совершении преступления, а также до и после него, нарушение психических процессов и состояний личности преступника, а также иных психических образований. Наконец, значимо было прослеживание путей, которые определяют возникновение и развитие девиаций. В частности, было установлено, что возникшие девиации в структуре личности приобретают уже самостоятельное значение и, что самое опасное, противостоят нормальным социальным проявлениям человека (его отношениям в социуме, правильным ролевым исполнениям).

– Вы долго занимались спортивной борьбой, самбо. Как это повлияло на вашу жизнь и профессиональные интересы?

– Занятие специфической борьбой, которая в России получило название САМБО (самооборона без оружия), всегда погружает человека в атмосферу принятия быстрых решений. Практически можно сказать что это – «шахматы в одну секунду». В тех секциях, в которых я руководил борьбой, я специально культивировал психологические конструкции, обеспечивающие высокую степень рефлексии, т.е. предвидение ответов партнера и вновь построение новых действий на ответы для достижения конечного результата («рефлексивная связка»). Специально проводились психологические эксперименты по установлению «выигрыша позиций» при знании исходных или предполагаемых качеств партнера. Существенным представлялось установление психологического контура противника и соотнесение с этим контуром его вероятностных действий. Вместе с заслуженным тренером по самбо А.А. Харлампиевым мы планировали написать книгу: «Психология тактики индивидуального боя».

Мои бывшие партнеры по секции профессор Мухамед Коншобиевич Кабардов и профессор Виктор Федорович Петренко удостоверяют важную роль психологического погружения в систему борьбы самбо. Так, М.К. Кабардов говорит: «Здесь значимы и постоянные переживания "радости побед", и их предвидение. Существенны также и поражения, как моменты, обеспечивающие констатацию (и сбор) случайных ошибок. Иными словами, это – обучение избегать ошибок».

Обратите внимание на то, что В.В. Путин не только увлекается борьбой самбо, но и всячески культивирует этот вид спорта. Анализируя его деятельность в психологическом аспекте, можно полагать, что в его успешной деятельности на международной арене (арене состязаний) он соотносился с навыками и умениями, приобретенными в ходе освоения приемов самбо и при погружении в атмосферу борьбы.

– Как вы относитесь к засилью разного рода опросников – и при проведении научных исследований, и в практической диагностике, например, при приеме на работу? Почему экспериментальный метод как основополагающий метод научной психологии сегодня практически не востребован?

– Вопрос, который вы поставили, представляется и современным, и своевременным. Действительно, чрезвычайно простые решения проблем путем постановки произвольных вопросов не имеют прямого отношения к объективному научному познанию. Каждый формулирует вопрос так, как ему заблагорассудится, без соотнесения с той проблемой, которая породила этот вопрос. Более того, конструкция вопросов не представляется форматированной. Отсутствует также представление об использовании исходных характеристик того объекта, относительно которого ставятся вопросы. Отсутствует представление о конструкциях отдельных

компонентов, которые входят в структуру какой-либо системы. Вопросы часто не соотносятся с условиями, которые их породили. Р. Кэттел достаточно образно определил вопрос как «разбавленную ситуацию». Эта «разбавленность» или, точнее, «размытость» – серьезный дефект опросников. Представляется, что в этом случае не исключено получение артефактов. Кроме того, разнородность конструкций поставленных вопросов дает картину, которая в принципе является ошибочной. Вы верно отметили, что наибольший вред опросники могут причинить на практике, в том числе в случаях, когда имеет место диагностика личности при приеме на работу. Самоотчет, положенный в основу опросников, не может служить гарантом объективности данных.

Общий вывод: для улучшения качества опросников необходимо создать единую согласованную схему постановки вопросов и, главное, их конструировать и соотносить с требованиями задач диагностики. При этом важно уяснить, что результаты опросников, в силу их априорно неустранимой субъективности (испытуемый всегда манипулирует, думает, как более выгодно для себя ответить, не говоря уже о том, что не всегда понимает суть вопросов), надо обязательно дублировать более надежными экспериментальными методиками.

Дополнительно вы спрашиваете «почему экспериментальный метод не является распространенным?» Эксперимент – более надежный, но более затратный по времени и иным ресурсам метод. Для проведения экспериментального исследования необходимо создание принципов, установок, а также технологий. А главное – не только разработка хорошей методики эксперимента, но и его проведение требуют высокого профессионализма. С опросником проще: раздал бланки, потом собрал бланки, затем обработал. А далее не ясно: соответствуют ли данные опросника реальности, не лукавил ли респондент? Только эксперимент может это выяснить. Можно использовать метод самоотчета в первичном исследовании, что правильно делают некоторые аспиранты, но глубокие исследования требуют более объективных методов.

– Однажды вы сказали, что боялись наступления 60-летнего возраста, так как предполагали, что будете не востребованы на пенсии. Как психологически правильно переходить из одного возрастного этапа в другой?

– Действительно, такое состояние имело место, и оно переживалось как тяжелое для человека, который не сумел еще реализовать свои замыслы и цели. Но волею судеб отношение работодателя к человеку, желающему реализовать свои цели и имеющему для этого потенциал, оказалось благоприятным. Более того, само постоянное стремление к получению новых результатов или же подтверждению правильности ранее полученных результатов породило желание заниматься проблемами смежных отраслей психологии. В настоящее время в поле моего внимания находятся не только вопросы юридической психологии и вопросы, связанные с построением методов диагностики (школа комплексной диагностики личности). У меня есть горячее желание работать во вновь открывшейся сфере деятельности, которая связана с психологической антропологией. К сожалению, деятельность лаборатории психологической антропологии в Российском институте культуры Министерства культуры РФ в настоящее время приостановлена.

Я говорю «к сожалению», потому что это направление, изучающее общение, ориентированно не на конфликт, а на контакт. Предполагается, что контактное взаимодействие будет в будущем превалировать над конфликтным. Иными словами, предпочтение, вероятно, будет отдаваться не конфликтологии, но контактологии. К примеру, ряд спорных вопросов в конфликтологии решается при помощи компромисса, в то время как в контактологии предлагается устанавливать отношения (и менять отношения), используя принцип «комплементарности», т. е. взаимного дополнения. В этом случае акцент каждого из участников коммуникативного процесса будет перемещен на поиски улучшений во вновь создаваемой общей системе контактов.

Экскурс в мои переживания, касающихся увлеченности и включенности в разработку современных проблем психологии, свидетельствует о том, что возраст не играет существенной роли, когда человек занимается исследовательской работой, когда он является исследователем, стремящимся к свершению всех задуманных конструкций и композиций.

Возможно, здесь имеет место известный «феномен Зейгарник». Последний заключается в том, что у человека всегда сохраняется в оперативной памяти «незавершенное действие», стимулирующее человека к активности. Это состояние продолжается до тех пор, пока не будет достигнута цель деятельности, а точнее, пока не завершено задуманное.

Вы спрашиваете о том, как психологически правильно переходить из одного возрастного этапа в другой. Это правильный подход: понимание необходимости смены периодов и психологическая готовность к этому. Есть даже такой тренинг, где отрабатывается специальная «модель смены состояний».

– Кто из психологов оказал на ваше профессиональное становление наибольшее влияние?

– Изначально и наиболее основательно на меня оказал влияние Петр Алексеевич Шеварев, который мне, как и всем сотрудникам его лаборатории восприятия и памяти в Институте психологии АПН (ныне ПИРАО), привил и желание, и стремление углубляться в современные вопросы психологии, особенно те, которые связаны с механизмами конструирования и становления как психических процессов, так и психологических состояний. Естественно, что общее влияние на всех исследователей оказывала атмосфера, созданная Анатолием Александровичем Смирновым в Институте Психологии. Можно сказать, что все сотрудники института оказывали заметное влияние на каждого стремящегося к проведению экспериментов и созданию собственной линии исследования. Это была мощная экспериментальная психологическая база в СССР. Далее, естественно, на мое профессиональное развитие повлияли все идеи Алексея Николаевича Леонтьева, который пригласил меня на факультет психологии МГУ. На факультете меня наиболее впечатлили установки всех сотрудников на коллективные научные обсуждения. Они проходили и на кафедрах, и в лабораториях. Тон этим обсуждениям задавал Александр Романович Лурия.

Однако наибольшее влияние на меня оказала моя сестра, Людмила Борисовна Ермолаева-Томина, которая занималась исследованием творчества в лаборатории Бориса Михайловича Теплова. Именно сестра обратила мое внимание на важность создания у человека стремления к индивидуальному творчеству. Результатом моего стремления к новому и неизведанному стало создание научной школы психологической антропологии. Можно полагать, что в будущем наиболее перспективными и привлекательными для психологов станут исследования, в которых будет программироваться использование всех скрытых ресурсов каждого индивидуума.

– На научной конференции «Психология как ресурс народного хозяйства России», проходившей в 2005 году на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, один из ее участников сказал, что психология, к сожалению, не является ресурсом народного хозяйства. Каково значение психологии для народного хозяйства в настоящее время?

– Психология пока не стала существенным ресурсом народного хозяйства России. Пока не стала. Однако можно утверждать, что психология вскоре станет первым источником для получения основных и исходных сведений, значимых для всех институтов, входящих в систему народного хозяйства, естественно, в большей мере для гуманитарных сфер. В последнее время появилось так называемое «антропологическое засилье». Появилось очень много антропологий: политическая, экономическая, юридическая и даже медицинская и визуальная. Это объясняется тем, что объект исследования – человек – является системным образованием, и это обстоятельство задает многочисленные траектории его изучения. Началось изучение не просто человеческого фактора, а отдельных, отчетливо разделяемых психологических детерминант,

оказывающих влияние на функционирование и развитие различных отраслей народного хозяйства.

Среди этого потока исследований, на мой взгляд, наиболее перспективными выглядят исследования творческого потенциала личности. Среди триады «индивид», «личность», «индивидуальность» наиболее существенным элементом является именно «индивидуальность». Именно эта композиция «образно», как в икебанае, ориентирует личность на поиск оптимальных решений во всех сферах народного хозяйства.

– В настоящее время только ленивый не обсуждает проблемы российского образования. Каковы, на ваш взгляд, наиболее существенные проблемы современного образования в России и какие из них имеют психологическую природу?

– Этих проблем много, я перечислю некоторые из них и сформулирую в форме вопросов.

1. Следует ли точно копировать требования болонского стандарта?

2. Каково должно быть соотношение платного и бесплатного образования?

3. Академическая мобильность – это благо или трата ресурсов?

4. Нужно ли переводить обучение в вузах на английский язык?

5. Должна ли быть аспирантура образовательным уровнем?

6. Является ли слияние университетов, факультетов, кафедр средством повышения качества образования?

7. Финансирование науки должно быть грантовым или бюджетным?

Это далеко не полный перечень проблем в образовательной отрасли.

К психологическим проблемам я отнес бы следующие проблемы:

– Какова должна быть при применении интерактивных методов обучения дистанция «преподаватель – студент»?

– Должно ли воспитание включать элемент психологического насилия? Мы же заставляем некоторых студентов учиться, используя угрозы отчисления и т. п. Как отделить психологическое насилие от психологического давления?

– Является ли ЕГЭ хорошим и адекватным средством оценивания подготовки школьников?

Из этой проблемы вытекает и другая, которую сравнительно недавно озвучил министр В. Ливанов, о том, должны ли троичники приниматься в вуз? Это вызвало дискуссию в университетском сообществе. В рассматриваемом нами ракурсе это – также проблема соотношения массовости и элитности высшего образования. Это не только экономическая, но и психологическая проблема, на которую должны дать ответ психологи.

Беседовала Т.П. Будякова,

кандидат психологических наук, доцент,

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

In memory of Lev B. Filonov